
Ри Сара
Дочь напрокат
Психологический триллер
18+

Сара Ри

Дочь напрокат

«Автор»
2026

Ри С.

Дочь напрокат / С. Ри — «Автор», 2026

Корейский психологический триллер о людях, которые играют родных за деньги. Для тех, кого не отпускали «Паразиты» и «Единственный ребёнок» Со Миэ.Тебе платят двести сорок тысяч вон за воскресенье, чтобы ты сидела на чужой кухне в Сеуле, ела чужой рис и называла чужую женщину мамой. Её дочь ушла из дома двенадцать лет назад, и, по странному совпадению, зовут тебя так же. Отец молча читает газету, на холодильнике висят счёт за газ и магниты из Пусана, и ни одной фотографии дочери в доме нет. Зато есть листок с правилами, и последнее из них звучит так: «Никогда не спрашивай, где Хана».Ты профессионал и умеешь сыграть кого угодно. Вопрос только в том, кого на самом деле наняли эти старики.

© Ри С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дочь напрокат 6
Глава 1. Первое воскресенье 7
Глава 2. Агентство «Тёплый дом» 11
Глава 3. Суп на день рождения 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Сара Ри
Дочь напрокат

Дочь напрокат

Корейский психологический триллер
Серия «Семья напрокат». Книга 1

Глава 1. Первое воскресенье

— Тебе не холодно было в воде? — спрашивала мать.

Она спрашивала это каждое воскресенье, пока наливала мне ячменный чай, и каждое воскресенье я отвечала одно и то же:

— Нет, мама, не холодно.

Она кивала так, будто я правильно ответила на экзамене.

Она мне не мать. Мне платили двести сорок тысяч вон за воскресенье, чтобы я сидела у неё на кухне в Ихва-доне, ела её рис и называла её мамой. Её дочь ушла из дома двенадцать лет назад и так и не вернулась. Дочь звали Ким Хана.

Меня тоже зовут Ким Хана.

Ничего особенного в этом нет: фамилия Ким у каждого пятого в Корее, а Хан в моём школьном классе было целых три. Так я себе и сказала, когда директор Пэ протянул мне конверт с заказом, где стояло «Ким Хана, тридцать один год», и решила, что совпадение просто смешное… А сейчас, когда я это записываю, я вижу, что врала себе уже тогда.

Первое воскресенье пришлось на восьмое февраля. С утра шёл мокрый снег, к обеду он превратился в серую кашу, и по лестницам Ихва-дона бежали ручьи.

Ихва-дон стоит на холме над станцией Хехва. Когда-то сюда возили туристов фотографироваться с цветами, нарисованными на ступеньках, и туристы садились прямо на эти цветы, шумели и бросали где попало стаканчики из-под кофе. Однажды жителям это надоело, и ночью они взяли серую краску и закрасили всё к чёртовой матери. Цветы до сих пор немного проступают сквозь краску, как синяк. Я поднималась по ним в белых кедах, потому что других у меня не было, и к третьему пролёту кеды стали коричневыми. Эх, а ведь я их только в пятницу отстирала!

В конверте лежали адрес, время и листок с правилами, вырванный из школьной тетради в линейку. Директор Пэ сказал, что пожилые клиенты иногда пишут правила и ничего странного в этом нет. Однажды бабушка из Ильсана наняла его играть её покойного мужа и потребовала, чтобы после обеда он храпел, и он храпел три часа подряд за сто пятьдесят тысяч.

Правила были написаны карандашом, ровным почерком учительницы начальных классов:

1. Звони в калитку два раза.
2. Не поднимайся на второй этаж.
3. Ешь всё, что дают.
4. Если отец заговорит про поступление, молчи.
5. Если отец назовёт тебя чужим именем, не оборачивайся.
6. Уходи до семи вечера.
7. Никогда не спрашивай, где Хана.

В автобусе я прочитала их два раза. Пятое мне не понравилось: так пишут, когда у старика путается голова и он зовёт всех вокруг именами покойных родственников. Но тогда при чём тут «не оборачивайся»? Седьмое понравилось мне ещё меньше. Если я играю Хану, то Хана здесь я и спрашивать мне незачем, да и бестактно. А если я не Хана, то зачем вообще об этом писать?

Я сфотографировала листок и отправила Тэсику, своему напарнику по агентству. Через минуту он ответил: «Ого. Богатые?» Я написала «Ихва-дон», и он прислал смайлик, пожимающий плечами, а следом ещё одно сообщение: «Третье правило плохое. Там будут огурцы, спорим?»

Тэсик ест всё, кроме огурцов. Я тоже, хотя больше мы с ним ни в чём не совпадаем.

Синяя калитка нашлась в самом конце переулка, там, где асфальт кончается и начинается бетонная лестница к крепостной стене. За калиткой стоял двухэтажный дом из красного кирпича, из тех, что строили в восьмидесятых, когда у людей впервые появились деньги, а вкус ещё не появился. На плоской крыше выстроились глиняные горшки для кимчи, накрытые полиэтиленом. Во дворе росла голая хурма с тремя сморщенными плодами на верхней ветке, которые не стали срывать и оставили сорокам. Так делают в деревнях, а в Сеуле так делают те, кто приехал из деревни сорок лет назад и до сих пор до конца не переехал.

Я позвонила два раза.

Дверь открыла маленькая женщина лет шестидесяти пяти с химической завивкой, какую делают всем женщинам после пятидесяти, будто её выдают вместе с пенсионным удостоверением. На ней был фартук с клубничками и шерстяные носки, один серый, другой коричневый. Она посмотрела на мои кеды, потом на меня и потом опять на кеды.

— Ой, ты же вся промокла! — сказала она. — Тебе не холодно было в воде?

В агентстве нас учат, что первая реплика клиента задаёт тон. Если клиент шутит, шути в ответ, если плачет, не плачь сама и просто будь рядом, а если говорит что-то странное, отвечай так, будто ничего странного не прозвучало. Я решила, что она шутит про лужи.

— Нет, мама, мне не холодно, — сказала я и улыбнулась.

Она не улыбнулась в ответ. Она очень серьёзно кивнула и отступила в сторону, пропуская меня в дом. Я всё ещё улыбалась, хотя уже понимала, что никакой шутки не было.

Уже вечером в автобусе я вспомнила, что в заказе было написано «дочь ушла из дома» и не было ни слова про реку или море. И ещё я поняла, что ответила ей не своими словами. Эти слова я двенадцать лет носила в себе, а у калитки они вырвались сами, будто только и ждали этого вопроса. Об этом я решила не думать.

На кухне пахло соевой пастой и рисом. На столе стояли миски, ложки и палочки на троих и двенадцать маленьких тарелочек: шпинат с кунжутом, ростки сои, жареные анчоусы с орехами, омлет-рулет, редька в красном перце, тофу, папоротник и два вида кимчи. Отдельно, чуть в стороне от остального, стояло огуречное кимчи с начинкой из лука-резанца. Ну конечно! Тэсик свой спор выиграл.

Рисоварка «Куку» на подоконнике сказала женским голосом:

— Приготовление риса завершено. Пожалуйста, перемешайте рис.

— Сейчас, сейчас, иду! — ответила ей мать.

За столом у окна сидел мужчина и читал бумажную «Чосон ильбо». Бумажную! Бумажной газеты в руках живого человека я не видела, наверное, с девятнадцатого года. Он был широкий и седой, стриженный коротко, по-военному, в серой вязаной жилетке поверх рубашки, и головы не поднял.

— Отец, Хана пришла, — сказала мать.

— Вижу, — сказал он газете.

Я поклонилась, а он перевернул страницу.

В агентстве такое бывает часто: заказывает обычно кто-то один, а второй терпит. Жена нанимает «сына», чтобы муж хоть раз в месяц поговорил с кем-нибудь, кроме телевизора, а муж нанимает «дочь», потому что жена после похорон перестала вставать с постели. Тот, кто терпит, всегда сидит вот так, уткнувшись в газету, в телефон или в бейсбол по телевизору. Давить на такого нельзя, ему надо дать привыкнуть к твоему запаху, как собаке.

Я села на свободный стул. Мать поставила передо мной суп из соевой пасты с кабачком и крупными кусками тофу и миску риса с горкой, а себе положила половину.

— Ешь, ешь, — сказала она.

Я ела, потому что это я умею лучше всего. За восемь лет в агентстве я ела на чужих свадьбах, поминках и юбилеях, на семейных ужинах, где меня представляли невестой, и на

корпоративах, где я была чьей-то бывшей коллегой. Хвалить еду я научилась тремя способами, чтобы ни разу не повториться за вечер.

— Ммм, суп как в детстве, — сказала я. Это самый безопасный вариант, ведь детство было у всех.

Отец опустил газету ровно настолько, чтобы посмотреть на меня поверх неё. Глаза у него оказались очень светлые, почти жёлтые. Через секунду газета поднялась обратно, а мать в первый раз за день улыбнулась.

Мы говорили о снеге и о ценах на капусту. Мать рассказала, что кимчи в этом году солили втроём с соседкой, а соседка опять положила слишком много рыбного соуса, и теперь кимчи пахнет пристанью. Я смеялась в нужных местах. Огуречное кимчи я так и не тронула, а значит, нарушила третье правило в первый же час. Мать это заметила, но ничего не сказала, только подвинула огурцы к отцу, а мне анчоусы.

Про Хану она не говорила вообще. Ни разу не прозвучало «когда ты была маленькой» или «а помнишь?», хотя обычно с этого и начинают: клиенты приносят альбомы, показывают фотографии и рассказывают, каким был человек, чтобы ты понимала, кого играешь. А здесь не было ни одной фотографии, я специально посмотрела. На холодильнике висели магниты из Кёнджу и Пусана, счёт за газ и календарь от местной аптеки, а в гостиной на стене висела только вышитая картина с журавлями. Я подумала, что им, может быть, слишком тяжело смотреть на её лицо и им нужна просто дочь без лица, кто-нибудь на её стуле.

Потом мать спросила:

— А когда у тебя день рождения?

В агентстве учат ещё одному. Если клиент спрашивает что-то личное, а легенду тебе не дали, называй правду, потому что правду легче запомнить и через месяц, когда спросят снова, ты ответишь то же самое, не задумываясь.

— Четырнадцатого марта, — сказала я.

Чашка выскользнула у матери из пальцев и стукнулась донышком о стол. Чай плеснул ей на руку, а она даже не дёрнулась. Отец медленно, по сгибам, сложил газету вдвое, потом ещё вдвое, положил её рядом с миской и теперь смотрел прямо на меня.

— Ох… Четырнадцатого, — повторила мать. — Значит, уже скоро. Я сварю тебе суп из водорослей.

Миёккук на день рождения варит мать. Когда тебе тридцать один год и ты живёшь одна в комнате на крыше, его тебе не варит никто.

— Спасибо, мама.

— И огурцов не будет, — сказала она.

В шесть сорок я начала собираться, потому что этого требовало шестое правило.

Мать разложила мне с собой закуски в три пластиковых контейнера и сунула их в пакет из «Е-марта». Я сказала, что не надо, а она сказала: «Надо, надо», как говорят все матери, и настоящие, и наёмные.

Пока я натягивала в прихожей мокрые кеды, из кухни вышел отец и остановился надо мной, большой, в своей жилетке. Я впервые почувствовала, чем от него пахнет: горячим паром и чем-то сладковатым и химическим, вроде растворителя. Потом я узнала, что у него химчистка внизу по улице, а тогда подумала про больницу.

— Сапоги купи, — сказал он. — Ну кто в кедах по снегу ходит? Только дураки.

Он протянул мне пятьдесят тысяч вон одной жёлтой бумажкой, сложенной вчетверо. Чаевые в агентстве брать можно, поэтому я взяла и поклонилась. А он всё не уходил и смотрел на мои руки, на то, как я держу купюру. Тогда я не поняла, на что он смотрит, сказала «спасибо, папа» и вышла через синюю калитку в серую кашу.

В синем автобусе до Синлима я открыла пакет, чтобы проверить, не протекают ли контейнеры. Они не протекали. Это были старые толстые «Лок-н-лок», из тех, что служат по два-

дцать лет, с потёртыми защёлками, и на крышке каждого была наклеена полоска малярного скотча с надписью маркером, сделанной тем же учительским почерком:

«Хане. 11.10.2014».

Скотч пожелтел и отклеивался по краям. Двенадцать лет эти контейнеры стояли где-то в шкафу, подписанные, и ждали.

Я закрыла пакет и до самого Синлима смотрела в окно. Одиннадцатое октября две тысячи четырнадцатого года… Эту дату я знала лучше, чем мне хотелось бы.

Глава 2. Агентство «Тёплый дом»

Агентство «Тёплый дом» занимает две комнаты на втором этаже над закусочной с жареной курицей, в трёх минутах ходьбы от станции Синлим. Поэтому фритюром у нас пахнет всё: договоры, костюмы, свадебные конверты для денег и сам директор Пэ. Клиенты иногда спрашивают, не даём ли мы скидку на курицу. Скидку мы не даём, хотя директор однажды пытался договориться с хозяином закусочной.

Директору Пэ шестьдесят один год. В девяностых он снимался в сериалах KBS и дважды играл второго бандита, а первого ему так ни разу и не дали, о чём он с обидой рассказывает после второй бутылки соджу. Агентство он открыл в две тысячи девятом, когда понял, что за гостей на свадьбе люди платят больше, чем телеканалы за бандитов.

У нас десять постоянных актёров и сорок приходящих, и чаще всего у нас заказывают гостей на свадьбу. Если со стороны невесты пришло пятнадцать человек, а со стороны жениха сто двадцать, это стыдно, и тогда звонят нам. Мы приходим в приличной одежде, фотографируемся с невестой, как старые подруги, едим фуршет и уходим. Свадьба стоит пятьдесят тысяч, а если нужно поплакать, то семьдесят. Плачу я плохо, поэтому беру пятьдесят.

Есть ещё семья, и это дороже и труднее. Мать-одиночка нанимает «папу» на родительское собрание. Парень нанимает «родителей», чтобы познакомиться с родителями невесты, потому что его собственные сидят за мошенничество. Старики нанимают «детей» вместо тех, кто уехал в Америку и не звонит, а иногда вместо тех, кто умер. Такие заказы директор Пэ не любит. «С умершими конкурировать нельзя, — говорит он, — они всегда лучше тебя».

В понедельник после первого воскресенья я принесла ему отчёт. После каждого семейного заказа мы пишем отчёты, и директор подшивает их в синие папки. Я написала про суп, про газету и про пятьдесят тысяч чаевых, а про контейнеры писать не стала.

— Слушай, а как они на нас вышли? — спросила я.

Директор потыкал пальцем в монитор, на котором у него всегда открыты два окна: бухгалтерия и пасьянс.

— Через сайт. Раздел «Дочери и невестки».

На сайте у нас висят анкеты с фотографией, именем без фамилии, возрастом, ростом и амплуа. Моя висит там восемь лет: «Хана, 31 год, 163 см. Дочь, невеста, подруга. Спокойная, хорошо поддерживает разговор со старшими». Возраст директор каждую весну исправляет, а фотографию оставляет прежней. Он сам снимал меня на фоне свадебной арки из искусственных роз, и на этом снимке я похожа на невесту, которую бросили у алтаря.

— Они что, выбрали меня по имени?

— Да по всему выбрали. Женщина позвонила и сказала, что им нужна Хана, тридцать один год, и больше никто. Я ей предлагал Суджин, у Суджин лицо добрее.

— Ну спасибо.

— А она сказала, что доброе лицо им не нужно. Им нужна Хана.

Директор достал из ящика договор. Двенадцать воскресений были оплачены вперёд, наличными и по двойному тарифу, всего четыре миллиона девятьсот тысяч вон. Такого я не видела никогда: обычно платят за один раз, потому что не знают, захочется ли второго. В конце договора от руки была дописана строчка о том, что если актриса бросит работу до окончания срока без уважительной причины, агентство вернёт клиенту сумму в тройном размере.

— А это ещё что?

— Это чтобы ты не бросила стариков на полпути, — сказал директор Пэ. — Они попросили, я подписал. Платить, если что, будешь ты: у агентства таких денег отродясь не было. Да ты же всё равно никогда ничего не бросаешь! Восемь лет сидишь на одном месте, как молоток.

Похвала была странная, но честная. Я не бросаю работу и не меняю ни квартиру, ни номер телефона. У меня нет инстаграма, и в больницу я не хожу, если можно дотерпеть до аптеки. Люди считают меня скучной, и меня это устраивает.

— И ещё. — Директор почесал бровь. — Она спросила странную вещь: правша ты или левша.

— И что ты ответил?

— Что не знаю. Восемь лет с тобой работаю и не знаю, представляешь? Ты какая?

— Правша.

Он кивнул и вернулся к пасьянсу.

Тэсик сидел в соседней комнате и ел кимбап из фольги. Ко Тэсику сорок четыре года, он разведён и специализируется на отцах жениха. Лицо у него такое, будто он тридцать лет проработал в страховой компании и ни разу никому не отказал в выплате, а на самом деле он десять лет держал у рынка точку с ттокпокки и прогорел в ковид. Прогореть на ттокпокки надо ещё уметь, и Тэсик умеет.

— Ну что, — сказал он, — как там твои богатые родители?

— Да не богатые они. У отца химчистка.

— Химчистка в Ихва-доне и свой дом над ней, — сказал Тэсик. — Это и есть богатые. Просто они сами об этом не знают.

Я села напротив, и он подвинул ко мне фольгу. В кимбапе был огурец, и Тэсик выковыривал его палочкой из каждого куска, складывая зелёные полоски аккуратной кучкой на краю фольги.

— У них дочь пропала, — сказала я. — Двенадцать лет назад.

— Убежала?

— Не знаю. Они не рассказывают.

— Значит, убежала, — решил Тэсик. — Если бы умерла, рассказывали бы. Про умерших рассказывают все, у них уже всё хорошо, а про тех, кто сбежал, молчат, потому что стыдно.

У Тэсика есть сын пятнадцати лет, который живёт с матерью в Тэджоне и не берёт трубку, так что про стыд Тэсик знает больше, чем ему хотелось бы.

— А вдруг они её сами того… — сказала я. Это была шутка. Почти.

Тэсик перестал жевать.

— Кощиги, — сказал он с набитым ртом. — Ты вчера на панихиде опять сказала «кощиги». Я слышал! И вдова на тебя посмотрела.

«Кощиги» говорят в Чолла. В Сеуле это слово не произносят те, кто хочет сойти за сеульца, а я очень хотела.

— Я из Инчхона, — сказала я.

— Ага, конечно, — сказал Тэсик. — В Инчхоне все так говорят. Все два человека.

Я живу в октапбане, в комнате на крыше, которую хозяева пристроили без разрешения и сдают тем, кто не задаёт вопросов. Летом там сорок градусов жары, а зимой замерзает вода в трубах. Зато у меня есть свой кусок крыши с пластиковым столом, тремя горшками хилого перца и видом на гору Кванаксан, если нет смога. Хозяйка берёт плату наличными и за восемь лет ни разу не заговорила о договоре, и нас обеих это устраивает.

В тот вечер я разогрела материны анчоусы и съела их с магазинным рисом. Они были сладкие, с мёдом и чесноком, как делают в Сеуле, а у нас дома их делали острее, с перцем. У нас в Инчхоне.

Контейнеры я вымыла и поставила на полку, а скотч с датой сдирать не стала.

Второе воскресенье пришлось на пятнадцатое февраля, за два дня до Соллаля. В эти дни весь Сеул стоит в пробках по дороге к родителям, а у нас горячий сезон, потому что все нанимают женихов, чтобы тёти наконец перестали спрашивать про свадьбу. Тэсик работал на

трёх семейных застольях подряд и жаловался, что у него поясница болит от поклонов чужим предкам.

Мать варила ттоккук.

— В сам Соллаль ты будешь работать, — сказала она, ставя передо мной миску. — Так что Новый год у нас будет сегодня.

Про воду она спросила и в этот раз, пока наливала чай, хотя снега не было и я пришла в сухих кедах, так что шуткой про лужи этого уже было не объяснить. Я ответила то же самое: нет, мама, мне не холодно. В агентстве учат, что если клиент повторяет вопрос, повторяй и ответ, как пароль, который не меняют. Переспросить, о какой воде речь, было бы проще всего, но я не стала, потому что боялась её ответа. Мать кивнула, как в прошлый раз.

После еды она усадила отца на подушку посреди гостиной, просто взяла его за локоть и передвинула, как шкаф. Он сел с таким лицом, будто его привели на допрос. Мать села рядом и посмотрела на меня.

Я знала, что делать, и поклонилась им до самого пола. Для чужих родителей я делала это раз сорок, а для своей бабушки в последний раз, когда мне было восемнадцать.

Когда я поднялась, мать сказала положенное: «Пусть в новом году тебе будет много счастья». Отец промолчал. Потом он достал из кармана жилетки белый конверт и положил его на пол перед собой. В руки он мне его не дал, а ждал, пока я возьму сама.

— Работаешь? — спросил он. Это были его первые слова за день.

— Работаю.

— Кем?

Я посмотрела на мать, но мать смотрела в окно.

— Дочерью, — сказала я.

У отца дёрнулся угол рта. Смех это был или что-то совсем другое, я не знаю до сих пор.

В конверте лежали сто тысяч вон и старая автобусная карта «Т-мани» с наклейкой в виде зелёной лягушки, каких не продают уже лет десять. На обороте карты шариковой ручкой, круглыми детскими буквами, было написано «Если нашли, позвоните маме» и номер домашнего телефона.

— Это твоя, — сказал отец. — На ней ещё тысяча шестьсот вон осталась, на один автобус хватит.

Перед уходом мать попросила меня сходить с отцом вниз, в химчистку, где остались чей-то костюм и два пальто, которые надо было отдать хозяевам до праздника. Отец мог бы сходить и сам, но мать хотела, чтобы мы пошли вдвоём.

Химчистка называлась «Чистый день», и буквы на вывеске, нарисованной от руки, выцвели до цвета слабого чая. Внутри было тесно и тепло, гудел бойлер, а с потолка свисали два ряда одежды в прозрачных чехлах, и к каждому чехлу была приколота бумажная бирка с фамилией и датой. Отец сразу ушёл в глубину искать пальто, а я осталась у прилавка.

Там она и висела. Школьная форма: тёмно-синий пиджак, клетчатая юбка, белая блузка и синий галстук-бантик. Её повесили отдельно от остальной одежды, на крючок сбоку от кассы, в таком же чехле, как и всё остальное, только чехол был новый, а складки на юбке были отглажены так, что о них можно было порезаться. На бирке стояло: «Ким Хана. Не выдавать».

Я протянула руку. Трогать я ничего не собиралась, рука сама потянулась к бирке, как тянется к ценнику в магазине.

— Не трогай! — сказал отец из глубины, даже не повернувшись.

Я решила, что там висит зеркало и он видит меня в нём. Потом я проверила, и никакого зеркала там не было.

Мы поднимались обратно по серым ступенькам. Отец нёс пальто на плече и дышал тяжело, как дышат курильщики, которые бросили слишком поздно. На середине лестницы, там, где сквозь краску проступает красный лепесток, он остановился перевести дух.

— Зачем ты согласилась? — спросил он.
— Это работа.
— Работа… — повторил он.
Мы пошли дальше, и уже у самой калитки он сказал, не оборачиваясь:
— Хана ела левой рукой. Мать била её палочками по пальцам, а она всё равно ела левой.
И позвонил два раза в собственную дверь.

Глава 3. Суп на день рождения

На третье воскресенье мать жарила пакдэ.

Я почувствовала запах ещё у калитки и сначала не поверила своему носу, потому что в Сеуле пакдэ никто не жарит. Эту рыбу сушат в Кунсане, развешивая её на верёвках перед домами, как бельё, и кошки всё лето сидят под этими верёвками и ждут. Моя бабушка жарила пакдэ по субботам до хруста и отдавала хвосты мне.

Мать положила мне на тарелку два куска, хвостами ко мне.

— Ты же любишь хвосты, — сказала она.

Я посмотрела на неё, она посмотрела на меня. Лицо у неё было совершенно спокойное, но это было натренированное спокойствие, с каким учительница смотрит на ученика, который списал и сейчас пойдёт отвечать к доске.

— А где вы её взяли? — спросила я. Я сказала «вы» вместо «мама», и это была моя первая ошибка за три воскресенья.

— Знакомая прислала из Кунсана, — сказала мать. — Ешь, пока горячая.

Отец сидел за газетой и, как я заметила, уже минут двадцать не переворачивал страницу.

Я съела хвосты. Они были точно такие, как у бабушки, хрустящие и солёные, с горечью в самом конце. Пока я ела, я убеждала себя, что хвосты у всех рыб хрустят одинаково и что в Кунсане живёт двести с лишним тысяч человек, так что у любой сеульской тёти там может найтись знакомая. Мысли были очень разумные, но после обеда я заперлась в туалете, открыла кран и минут пять держала руки под холодной водой, пока пальцы не перестали дрожать.

На полке в туалете стояли три зубные щётки: синяя, зелёная и розовая. Розовая была сухая и совсем новая, ещё с картонной наклейкой на ручке. Для кого её купили, я спрашивать не стала.

В понедельник на станции Синлим я впервые заметила мужчину в серой пуховой куртке.

Ничего особенного в нём не было, потому что половина Сеула зимой ходит в серых пуховиках до колен, а другая половина в чёрных. Ему было лет сорок пять, он стоял в маске и с пакетом из аптеки у автомата с кофе и ничего не покупал. Я запомнила его только потому, что в среду он стоял у того же автомата с тем же пакетом.

В четверг я работала на свадьбе в Каннаме: изображала подругу невесты по университету. Невеста была маленькая и злая и прошипела мне в ухо название университета и факультета прямо перед общей фотографией. Потом ко мне подошла тётя со стороны жениха и спросила, на каком курсе мы познакомились. Я ответила, что на втором, в кружке танцев, и тётя посмотрела на меня с уважением, хотя по тому, как невеста шла к алтарю, было видно, что танцевать она не умеет совсем.

Когда я вышла на улицу, человек в серой куртке стоял на другой стороне и курил.

Я сфотографировала его и отправила снимок Тэсику. Он сначала написал: «Это твой поклонник», потом: «У него лицо как у меня, не бойся», а через минуту уже без шуток попросил написать, когда я доберусь до дома. Я написала ему из дома, но перед этим минут двадцать кружила по переулкам вокруг рынка и дважды заходила в круглосуточный магазин, чтобы посмотреть через стекло, кто идёт следом. Следом никто не шёл. Когда я зашла во второй раз, девушка за кассой спросила, всё ли у меня в порядке, и мне пришлось купить банановое молоко, чтобы она отстала.

Четвёртое воскресенье пришлось на первое марта. Снег к тому времени стаял, и мать попросила меня помочь ей с горшками на крыше.

На крышу вела железная лестница со двора, а изнутри, из прихожей, на второй этаж поднималась деревянная, по которой я из-за второго правила ни разу не ходила. На её верхней

ступеньке всегда стояли две пары тапочек, как перед входом в комнату. Дверь наверху всегда была закрыта, и света из-под неё я не видела ни разу.

Мы снимали с горшков плёнку, протирали крышки и проверяли соевую пасту. Мать открывала крышку, нюхала и говорила: «Живая!» — и я кивала, хотя понятия не имела, что паста бывает живой или неживой. С крыши были видны крепостная стена с туристами в ярких куртках и весь Хехва внизу, с его театрами, кафе и университетской больницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.